

11 февраля 2018 года от внезапной остановки сердца скончалась Анна Саед-Шах — поэт, прозаик, сценарист, журналист.

«Её стих прост, как изнанка жизни, доступен, как деревья и небо, откровенен, как горе, и бескорыстен, как радость. Поэтические книги Анны Саед-Шах читаются, как роман, повесть, как исповедь, всё настолько откровенно и бесхитростно, что невольно зажмуриваешься, как от внезапно полоснувшего по глазам электрического света...».

Анатолий КОБЕНКОВ

Незадолго до ухода поэтессы «Культурная инициатива» представила четвёртую книгу стихов Анны Саед-Шах «Современная тётка». «Современная тётка» — прекрасная Анна Саед-Шах — читала свои новые и старые стихи с необыкновенным воодушевлением и подъёмом.

Современная тётка
хочет быть супертёлкой,
бизнесвумен
или любовницей умной.
Чтоб напрасно не шляться.
подкачать силикон,
подкопить миллион,
выйти замуж и доброй остаться...

Сквозь подчёркнутую иронию этих строк сквозит тревога, ощущение непреходящего трагизма бытия, а ещё — щемящая надежда на лучшее, на гармонию, побеждающую хаос: «...и доброй остаться». Женское, слишком женское, как сказал бы философ. Поэт бы всплакнул о «долюшке женской», но поэтесса не плачет. Она негодует, вопиет, по-бабьи охает, пожимает плечами, иронизирует и неуклонно остаётся самой собой, ибо «непреображённая реальность рвётся в бедный мой сосуд!».

Эпатаж многих стихов Анны Саед-Шах («Меня встречали по одежке, а провожали без неё...») обостряет, оттеняет глубину переживаний «лирической героини». Как пишет в послесловии к книге Инна Лиснянская: «Передо мной раскрылась сложившаяся жизнь женщины, раскрылся сложный образ её сегодняшнего быта и бытования».

Стихи Анны Саед-Шах по преимуществу стихи прямого высказывания, с открытыми чувствами, со щедрыми вкраплениями живой повседневной речи, с разнообразием ритмики и рифмовки, с парадоксальными умозаключениями и всегда со своей неповторимой узнаваемой интонацией. Об этом, кстати, говорит в предисловии Евгений Рейн: «У Анны

Саед-Шах интересный не заёмный стих, почти не имеющий аналогов, причём пользуется она им свободно, на полном дыхании...».

Такие стихи легко слушать — они будоражат, задевают, их яростная энергия никого не оставляет равнодушным.

Ну, Господи, ну ради Бога,
Хоть плечи сохрани, спасая и храня.
Я на своих плечах держу так много —
Мир рухнет без меня!

Молчание поэта — тоже творческий жест. Именно его продемонстрировал муж Анны — поэт Олег Хлебников. И лишь после того как её выступление закончилось, он искренне говорил о стихах Анны, о ней самой, о сложностях совместного сосуществования двух поэтов.

Да и слушатели не остались в долгу — они поздравляли поэтессу с триумфом, делились с ней и друг с другом впечатлениями.

Казалось, что никому не хотелось уходить, и, думается, не только из-за дружеского застолья, становившегося всё оживлённее. Просто никто не хотел расставаться с настоящим высоким праздником.

Всё правильно: звучали стихи, и их слушали.

Геннадий КАЛАШНИКОВ

«О ней писали Евтушенко, Самойлов, Лиснянская, Рейн, Сапгир, Рассадин. Станислав Борисович в частности говорил о её «высоком уровне нравственных претензий».

А что прежде всего приходит в голову мне, когда я думаю о её стихах? Анин голос узнаваем, ни на кого не похож. Переводами готовых смыслов она никогда не занималась. Стихи для неё были главным инструментом самосознания и мирочувствования. Именно благодаря ей я понял таинственное определение Мандельштама: «Поэзия есть чувство правоты»...

Олег ХЛЕБНИКОВ

«Она вернула речь сотням тысяч женщин».

Книга стихов Анны Саед-Шах «Меня встречали по одежке» — не скрою — меня поразила. <...>

Строчки, открывающие первый раздел книги «...Господи, я так тебя боюсь, что любить от страха забываю», — феноменальны по своей чуть ли не хаймовской лаконичности и при тютчевском трагизме.

Стихи о мужчине, который спит рядом, беззащитны и одновременно пугающи:

...За что тебе такая грусть,
тоска звериная о малом,
и крови зов,
и этот кров,
и храп, пугающий врагов,
и бегство ног под одеялом?..

— это в первый раз вслух произнесённая немая исповедь сотен тысяч обессловленных судьбой женщин, столь запуганных нами, мужчинами. Анна Саед-Шах вернула им речь через свои уста.

«Если б я была покойницей, ты бы мне закрыл глаза, чтоб до смерти не увидела, на кого перелюбил». Гениальный неологизм «перелюбил», выросший из фольклора. Такое слово могла бы придумать только одна другая женщина-поэт, а какая — вы сами до-

гадаетесь. Не хочу подводить Анну такими высокими сравнениями, чтобы не заклевали от зависти.

Какая бешеная энергия, доходящая до ярости в строках «Когда точу с подругой лясы, когда с тобой вкушаю страсть, когда чужое жарю мясо, чтоб усмирить родную пасть...» или «Когда, лицо надев, пойду на дело, от пирога и свой кусок урвать, когда душа, заигрывая с телом, меня уж не захочет узнавать...». <...>

Но Анна, кроме бесстрашия исповедальности, обладает и животным пониманием того, что иногда надо «достойно прикусить язык». В этом я полностью согласен с Рассадиным, написавшим, что Анна «домолчалась до стихов».

Евгений ЕВТУШЕНКО